Нѣсколько воспоминаній Протоіерея А. А. Танкова о поступленіи въ Семинарію.

(1833 г.)

Отправленіе мое въ Курскую духовную семинарію, находившуюся тогда въ Бѣлгородѣ, какъ-разъ совпало со временемъ перенесенія изъ Бѣлгорода Курской архіерейской каѳедры и прибытія въ Курскъ Преосвященнаго Иліодора, епископа Курскаго и Бѣлоградскаго. Мой родитель рѣшился отвезти меня изъ с. Волковой, Дмитріевскаго уѣзда, въ Бѣлгородъ самъ лично. Изъ Волковой выѣхали 2-го или 3-го числа сентября; путь шелъ по знаменитому Комаринскому шляху, гдѣ находилось множество кургановъ до рѣки Курицы. На этой рѣкѣ находился Комаринскій мостъ; здѣсь кормили лошадей. Къ вечеру пріѣхали въ Курскъ и остановились въ квартирѣ причетника Флоровской церкви Ивана Михайловича, жившаго на крутомъ спускѣ горы, идущей къ мосту на Курѣ, около Покровской церкви, внизъ отъ зданія пожарной команды 2-й полицейской части. Пріѣхали мы къ Ивану Михайловичу потому, что я, бывши въ Курскомъ духовномъ училищѣ, квартировалъ у него. И. М. очень оживленно разсказывалъ о чрезвычайно важныхъ и интересныхъ для того времени событіяхъ въ курской жизни. Только что пріѣхали въ Курскъ Преосвященный Иліодоръ со своею свитой и консисторіей. Причетникъ разсказывалъ о томъ сильномъ впечатлѣніи, которое было произведено архіерейскимъ служеніемъ въ Зна-

менскомъ монастырѣ, о томъ, какую рѣчь произнесъ тогдашній знаменитый курскій протоіерей о. Романъ Гавриловичъ Гладкой. Въ этой рѣчи о. Романъ воскликнулъ: «всѣ жители града сего просятъ архипастырскаго вашего благословенія, такъ какъ градъ сей сдѣлался епархіальнымъ». И Преосвященный Иліодоръ сейчасъ же совершилъ свое благословеніе. Причетникъ въ восторгѣ разсказывалъ о томъ, какъ торжественно началась архіерейская служба, на Божественной литургіи; при этомъ онъ отъ восторга допустилъ ошибку, сказавши, что будто-бы епископъ, стоя на амвонѣ среди церкви, произнесъ слова: »Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ». Тогда мой родитель возразилъ:

— Это невѣрно, Иванъ Михайловичъ, начинаетъ литургію начальнымъ возгласомъ первый служащій съ архіереемъ въ алтарѣ, а не архіерей.

Изъ Курска мы отправились въ Бѣлгородъ, по харьковскому тракту (шоссе тогда еще не было), то около Селиховыхъ дворовъ мы встрѣтили нѣсколько троекъ, на которыхъ ѣхали изъ Бѣлгорода въ Курскъ архіерейскіе пѣвчіе. Мой дѣдушка по матери Василій Лаврентьевичъ Михайловскій везъ своего сына въ семинарію и мы вмѣстѣ съѣхались около Селиховыхъ дворовъ. У дѣда моего была привычка—вечеромъ какъ можно выше поднимать свою шапку для внушенія страха разбойникамъ, которыхъ тогда было весьма много.

Передъ Бѣлгородомъ мы ночевали на Кочеткахъ. Въ Бѣлгородъ мы пріѣхали вечеромъ очень поздно. Мой дѣдъ сказалъ моему родителю, что можно остановиться у семинарскаго служителя, который былъ у него «на примѣтѣ». Но мой родитель разсудилъ иначе. Онъ поговорилъ со встрѣтившимися семинаристами. Одинъ изъ нихъ сказалъ, что онъ квартируетъ въ слободѣ Жилой у мѣщанина и думаетъ, что возможно остановиться тамъ. Пріѣхавши туда, я увидѣлъ много семинаристовъ. Мы здѣсь переночевали. Поднявшись рано, я пошелъ въ семинарію, только что взошелъ на семинарскій дворъ, меня встрѣтилъ ближайшій мой товарищъ по духовному училищу Н. К. Сергѣевъ.

— Алеша! сказалъ онъ, я нашелъ порядочную квартиру, остановись со мною. Съ нимъ былъ И. Н. Антоновъ, сынъ дьякона

пзъ села Дьяконова. Они меня повели въ квартиру. Здѣсь я увидѣлъ величественнаго студента, находившагося въ лучшей комнатѣ квартиры Александра Аѳиногеновича Городенскаго, сына правящаго во Льговѣ протоіерея. Онъ поразилъ меня своими манерами, жестами и поведеніемъ. Сюда я перешелъ на квартиру и прожилъ тамъ два года.

Ректоромъ Бѣлгородской семинаріи былъ тогда Архимандритъ Елпидифоръ.

Нужно сказать, что о. Елпидифоръ, проѣзжая изъ Новгорода, гдѣ онъ былъ инспекторомъ семинаріи, черезъ Курскъ, остановился здѣсь и посѣтилъ духовное училище, когда я былъ въ 4-мъ классѣ. Здѣсь онъ сказалъ:

— Я буду строгъ при экзаменѣ въ семинарію. Не пощажу! Не пощажу! твердилъ онъ.

На слѣдующій день мой родитель пошелъ къ инспектору семинаріи о. Израилю отдать ему билетъ, выданный мнѣ изъ курскаго училища. При этомъ родитель спросилъ:

— Оставаться ли ему до окончанія экзаменовъ или ѣхать въ Волкову.

О. Израиль посмотрѣлъ разрядный списокъ курскаго училища и отвѣтилъ:

— Твой сынъ—въ числѣ первыхъ, а потому ты теперь же можешь ѣхать.

Тогда мой родитель вмѣстѣ со своимъ тестемъ поѣхали обратно.

Вступительные экзамены продолжались недолго. Экзаменовали учениковъ, окончившихъ курсъ въ курскомъ и обоянскомъ училищахъ, такъ какъ бѣлгородцы были проэкзаменованы передъ каникулами. Рыльскаго же училища и старооскольскаго тогда не было.

Ректоръ, архимандритъ Елпидифоръ, былъ среднихъ лѣтъ, высокаго рода, величественной наружности; онъ вошелъ въ классъ съ инспекторомъ о. Израилемъ и учителемъ словесности Д. С. Любицкимъ. Начали экзаменовать по географіи. Отвѣчали по картамъ.

Архимандритъ Елпидифоръ сначала вызвалъ троихъ—2-хъ курянъ и одного обоянца и задалъ вопросъ:

— Вы, робята, должно быть хорошо плаваете, провезите ка меня отъ Бѣлгорода до Петербурга по водѣ. Ну, гдѣ спустите «корабль»?..

— На Везелкѣ, данъ былъ отвѣтъ.

— Великъ будетъ «корабль»?

— Лодочка, отвѣтилъ ученикъ, и плаваніе продолжалось. Ѣхать надо было исключительно но водѣ. При этомъ попутно спрашивалось о замѣчательныхъ географическихъ мѣстностяхъ. Другая задача была проѣхать изъ Бѣлгорода въ Петербургъ сухонутьемъ. О. ректоръ сопровождалъ вопросы и отвѣты шутками.

На другой день прошелъ экзаменъ по-латыни, произведенный учителемъ бѣлгородскаго училища И. И. Золотаревымъ (впослѣдствіи смотрителемъ бѣлгородскаго училища и протоіереемъ). Своихъ бѣлгородскихъ учениковъ на экзаменѣ (до вакаціи) И. И. экзаменовалъ по Цицерону (переводили его рѣчи).

— Ив. Ив., сказалъ о. Елпидифоръ, ну, у васъ мы экзаменовали по Цицерону, а ужъ ихъ будемъ по Корнелію Непоту.

Экзаменъ прошелъ средне.

Двое курскихъ учениковъ, братья Ратьковы (сыновья діакона церкви Ямской слободы около Курска) отличились. Отецъ ихъ былъ необыкновенный латинистъ, говорилъ по-латыни и превосходно научилъ латыни сыновей... О немъ можно сообщить слѣдующій фактъ.

— Ямщики - прихожане однажды явились къ Преосвященному Иліодору съ просьбой, чтобы діакона—латиниста посвятить въ священники въ ихъ приходъ.

Преосвященный нашелъ, что для этого нѣтъ надлежащихъ основаній!

— Да вѣдь онъ, Ваше Преосвященство, воскликнули просители, говоритъ по-латыни, какъ по-русски! Вотъ каковъ онъ!

Преосвященный улыбнулся и замѣтилъ:

— Ну что-же изъ этого? Развѣ вы будете съ нимъ говорить по-латыни. Вамъ надо священника, чтобы онъ вразумительно наставлялъ васъ по-русски благочестію, а не латыни...

Когда арх. Елпидифоръ спрашивалъ: кто знаетъ? то поднимались то одинъ, то другой изъ братьевъ Ратьковыхъ и отвѣчали вѣрно. О. ректоръ не вызывалъ ихъ къ столу и сказалъ, что они по своимъ отдѣльнымъ отвѣтамъ по-латыни экзаменъ выдержали хорошо.

По гречески спрашивали переводъ Дѣяній и Посланій Апо-

стольскихъ и даже нѣкоторыхъ лучшихъ учениковъ Псалтыри. Кромѣ грамматики греческой, въ курскомъ училищѣ было рукописное къ ней дополненіе, вывезенное изъ Кіева бывшимъ моимъ смотрителемъ Н. И. Булгаковымъ, называемое учениками *граника*, такъ оно было составлено профессоромъ Кіевской академіи Граниковымъ. Эту *гранику* учитель Н. X. Романовскій имѣлъ у себя, приносилъ ее въ классъ для списыванія, и она лежала обыкновенно съ нотатами на учительскомъ столѣ. Одинъ изъ учениковъ, признавая, что *граника* трудна, совершилъ слѣдующее: подойдя къ столу, изъ-подъ нотатъ вытащилъ *гранику* и спряталъ въ карманъ, чтобы она не практиковалась болѣе. А *граника* была введена въ 1-й разъ только въ нашемъ курсѣ и, стало быть, другаго нолнаго экземпляра ея не было.

Учитель, узнавши о семъ, пришелъ въ ярость, кричалъ и грозилъ всевозможными карами, но виновникъ пропажи не устрашился угрозъ, потому что братъ его былъ учителемъ третьяго класса училища.

Дѣло кончилось ничѣмъ. И изъ-за пропажи *граники* окончилось и преподаваніе по ней.

О. ректоръ Елпидифоръ въ бытность свою учителемъ архангельской семинаріи, преподавалъ математику, а потому съ любовію экзаменовалъ поступившихъ по ариѳметикѣ и спросилъ всѣхъ, чего прежде не было. На экзаменахъ же по геометріи въ семинарскихъ классахъ любилъ предлагать пиѳагорову теорему.

По священной исторіи и славянскому языку экзамена не было. Требованія по катихизису были строжайшія.

Завершилъ архимандритъ Елпидифоръ экзаменъ тѣмъ, что велѣлъ всѣмъ ученикамъ пропѣть Богородиченъ, восьмого гласа: *«Царь Небесный за человѣколюбіе на земли явися и съ человѣки поживе»*...

Пропѣли исправно.

Экзаменное сочиненіе было на тему: «Путешествіе мое въ Бѣлгородъ», а жившимъ въ Бѣлгородѣ въ свое время было назначена тема: «Жизнь моя въ Бѣлгородѣ».

Бѣлгородъ показался мнѣ бѣднымъ городомъ. Мой отецъ водилъ меня въ монастырь. Я увидѣлъ здѣсь монаховъ, мнѣ извѣстныхъ—курскихъ. Они были переведены изъ Курска, по случаю

перемѣщенія архіерейской каѳедры въ Курскъ. Семинарскій хоръ исполнилъ партесное пѣніе, но особенно оно мнѣ не показалось. Впрочемъ пѣвчихъ было много. Регентомъ былъ Эллинскій, богословскаго класса, первымъ теноромъ былъ Грековъ. На Рождество Христово и Святую Пасху, кромѣ посѣщеній хоромъ купеческихъ и другихъ домовъ, пѣвчіе непремѣнно обходили всѣхъ преподавателей семинаріи и у нихъ пѣли. Я былъ удивленъ тѣмъ, что изъ собранныхъ денегъ на долю Эллинскаго пришлось 100 р., другіе получили также каждый соотвѣтственное вознагражденіе.

Собранныя деньги распредѣлялъ о. ректоръ и выдавалъ ихъ какъ регенту, такъ и пѣвчимъ непремѣнно въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста. На лѣвомъ клиросѣ также пѣли семинаристы. Управлялъ ими А. В. Михайловскій. Въ классѣ словесности онъ пробылъ 6 лѣтъ; но перешедши въ философскій классъ, вскорѣ умеръ отъ чахотки.

Когда я былъ законоучителемъ курской гимназіи, то въ 1851 г., при директорѣ училищъ П. К. Ѳедоровѣ, Грековъ, бывши тогда діакономъ, хотѣлъ поступить діакономъ же въ гимназическую церковь; но оказалось, что жалованье діакона въ этой церкви было (какъ и теперь) 120 р. въ годъ. Тогда Грековъ оставилъ свое намѣреніе и возвратился къ сельской церкви, гдѣ и служилъ.

Архимандритъ Елпидифоръ служилъ въ храмѣ Бѣлгородскаго Троицкаго монастыря каждое воскресенье и въ праздничные дни. Діакономъ былъ при служеніи діаконъ женскаго монастыря Діонисій Дагаевъ, старецъ, съ небольшимъ сравнительно басомъ. Съ о. архимандритомъ служили о. инспекторъ семинаріи, соборный іеромонахъ Израиль и монахи.

Послѣ экзаменовъ мы были собраны въ такъ называемыя «сѣни», т. е. обширное помѣщеніе, въ родѣ залы. Это помѣщеніе бывшій о. ректоръ, протоіерей Савченковъ называлъ: «трубою».

Принятые въ 1-й классъ были распредѣлены на отдѣленія самимъ о. ректоромъ...

— Велѣно, сказалъ онъ, выбрать по произволу вамъ—ученикамъ: учиться французскому или нѣмецкому языку. Но гдѣ вамъ выбирать! Что вы понимаете? Въ первомъ отдѣленіи учитель французскому языку, а во второмъ—нѣмецкому.

Въ Бѣлгородѣ намъ показалось, что все переполнено малороссами. Мѣстные ученики знали малороссійскій языкъ. На арбузы была необыкновенная дешевизна. На квартирѣ за 4 р. въ мѣсяцъ кормили насъ хорошо. Каждое воскресенье были пирожки. Во вторникъ, четвергъ и субботу передъ уроками давали завтракъ, состоявшій изъ саломаты съ молокомъ. Въ Курскѣ же, наоборотъ, кормили и тогда чрезвычайно плохо и скудно. Въ Курскѣ мы спали «покаткомъ», т. е. на полу одинъ сбоку другого, а здѣсь давалась каждому кровать. Я свою кровать, за неимѣніемъ чего-либо другого, покрывалъ войлокомъ.

Бѣлгородскія церкви мнѣ очень понравились, я посѣтилъ почти всѣ изъ нихъ. Я также поднимался на мѣловую гору и оттуда смотрѣлъ на Донецъ. Въ мѣловой горѣ были большія пещеры, обратившія на себя мое вниманіе. На улицахъ Бѣлгорода было довольно много лужъ и нѣкоторыя весьма сильно разливались отъ забора до забора...

Учебныя книги мы пріобрѣли у библіотекаря семинаріи, за весьма умѣренную плату.

Сообщилъ **А. Танковъ.**